

Г. С. ЛЕБЕДЕВ

**БЕЗПРИСТРАСТНОЕ СОЗЕРЦАНИЕ СИСТЕМ
ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ БРАГМЕНОВ,
СВЯЩЕННЫХ ОБРЯДОВ ИХ
И НАРОДНЫХ ОБЫЧАЕВ**

С.-Петербург, 1805

[ПОСВЯЩЕНИЕ АЛЕКСАНДРУ I]¹

Всеавгустейший монарх, всемилостивейший государь!

На сердце еще Петра Великого лежало возыметь сближение с великим моголом, как то явствует из бывшей в 1716 году в великую Тартарию экспедиции под начальством Александра Беккевича Черкаскаго, равно как и из монаршей того же великаго императора грамоты (который не возгнушался облещись в простейшую одежду ремесленника), посланной в 1723 году чрез вице-адмирала своего Вильстера к тогдашнему индийскому самодержцу, да то же самое усматриваем и из ответного письма французскаго аббата Биньон, которому от его величества препоручаемо было перевести каль-мукския, или (монкольския) монгольския писания.

Ревнующая преславным делам Петра Перваго, премудраго установителя Российской империи Екатерина Вторая, каких ни предпринимала мер к достижению тоя же цели.

Да и блаженный памяти в. и. в. вселюбезнейший родитель, с восхитительным для верноподданного монаршим благоволением, ободрив мои предприятия к снисканию общепользных сведений, всемилостивейше соизволил руководствовать меня достойными величества своего предначертаниями до самой Восточной Индии, в которой для изъятия предлагаемых здесь предметов в пользу отечества, чрез целые двенадцать лет, жертвовал я там моим иждивением и жизнью.

Хотя и не успел я сему высокомилостивейшему моему благотворителю патриотических моих чувствований принести плоды, однакож не менее благополучным себя почитаю, что дух бодрого славе предков соревнования, дух мудрого о благе общем промышленности, в особе вашей обитающий, соделали меня и труд мой достойным вашего высокомонаршаго внимания.

Всеавгустейший монарх! Чадолюбивейший отечества отец! Среди такого благополучия моего, с живейшею душевных моих чувств благодарностию, твоя от твоих тебе принося, всеподданнейше повергаю себя и посильный труд мой к священным в. и. в. стопам, нещетною ласкаясь надеждою, что высокомонаршее ваше воззрение, на толь хотя и малую, но от глубины души моя с чистым усердием приносимую жертву обратит внимание не одних соотчичей моих, но и разностранцев, и послужить может для ревностных испытателей некоторым путеводством, к испытанию многих затмившихся в течении веков древностию как в священных, так и политических бытописаниях эпох, которых открытие, по общему благомыслящих ученых мужей признанию, соделывает в разсеянном по лицу земли человеческом роде союз, разпространяет во вселенной истинное понятие о богопознании, правоверии и законе, подкрепляет взаимную

¹ Посвящение Александру I и Предуведомление к книге приводятся в современной орфографии по изданию «Русско-индийские отношения в XVIII в. М.: Наука, ГРВЛ, 1965. С. 539–562.

связь желаемого между народами дружелюбия и соединяет способности к возстановлению всеобщаго и все-мирнаго блага.

Всемиловитивейший государь! В. и. в. верноподданный Герасим Лебедев.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Предприятие узнать Восточной Индии брагменов системы, священные обряды их и народныя страны сея обычаи, есть сколь важно, столь и затруднительно.

Важно: поелику Восточная Индия, кроме ее изобилия и сокровищ, на кои не только Европа, а, может быть, и целый свет завистными взирает очами, есть та первенствующая часть света, из которой, по свидетельству разных бытописателей, род человеческий по лицу сего земнаго круга расселился, и которые национальный шомскритский язык, не довольно со многими азиатскими, но и с европейскими языками имеет весьма ощитительное в правилах сближение.

Неоспоримость сея истинны, кроме других премногих историков, довольно ясно доказали господин Ломоносов, Паллас и Алексей Агафонов, из коих первый, в краткой его о Россах истории объявляет, что «прародители славенские сарматы, амазоны, варяги, россы и россоланы, и другие разные народы происхождение свое имеют из Азии и составляют один рассеянный народ». А на индийском языке те же самые именовании выговариваются тор-мата (райские жители), амар-чьоны (мое стяжание), бара-гей или бар-гей (восточной народ), росс нами или россол нами (сыны света). Второй в путешественном его издании показывает великое сходство манжурских или китайских божеств с изображениями божеств индийских. Третий в переведенной им на российский язык манжурского и китайского Шунь-джи-хана книге о законах представляет множество слов шомскритскаго языка.

Затруднительно же сие предприятие потому, что при всех в разные времена покушениях любопытных испытателей не токмо о брагменских системах, но и о свойстве древнейшаго их шомскритскаго языка точнаго сведения по сие время Европа еще не имела; да и в самой Индии ни от кого сих предметов не можно занять, кроме брагменов, которые на пребывающих тамо европейцев не иначе смотрят, как на безчеловечных гонителей, или как на презрительнейших своих париев, которые употребляются у них для выносу и вывозу всякой нечистоты из домов и из дворов.

Для меня же сие предприятие было тем затруднительней, что я до времени моего путешествия, своих национальных словесностей, пособиями не довольно был снабден, ибо, хотя произведение мое от рода духовнаго купно и благородно позволяло мне иметь приличное воспитание, но по насильственному утеснению моего родителя, едва мог я по рождении моем в 1749 году чрез пятнадцать лет научиться национальной тогдашняго времени грамоте и случайно музыкальному искусству.

При всем том, со одной стороны возпламеняемая ревность к обозрению света, к усовершению природных моих склонностей и к снисканию, как для меня, так и для соотчичей моих, полезнейших сведений; с другой стороны,

очевидный всевышнего правителя судеб промысл, невозможное от человек сделали возможным.

Отправлявшееся 1775 года в Неаполь посольство доставило случай выполнить охоту моего странствования, но как посольство к Неаполитанскому двору, с которым я выехал из России, по причине военных действий Венского двора с Прусским, оставалось тогда в Вене более года, то я решился продолжать из Вены странствование свое на собственном моем иждивении, надеясь, что музыкальное мое искусство может доставить мне пропитание.

Сию отважную мою и предприимчивую мысль благоснисходительно подкрепили рекомендательными письмами находящийся при Венском дворе российский посол князь Голицын и назначенный таковым же в Неаполь граф Разумовский; посредством оных имел я случаи при многих европейских дворах удостоиться от великих владетельных и прочих высоких особ благоволения.

По прибытии же моем в Париж 1782 года в мае месяце был я представлен к высочайшим путешественникам именовавшимся тогда графом и графиней Северными, вечно достойной памяти государю императору Павлу Петровичу и ныне благополучно здравствующей государыне императрице Марии Феодоровне.

Лучезарный свет их осенял меня не токмо в бытность мою в Париже и в Этюпе, лежащем близь Монтпельяра, но высокомонаршею своею благостию сопровождал меня даже до самого востока, ибо еще на пути моем из Англии в Индию, по прибытии в 1785 годе августа 15 дня к городу Мадрасу, пред которым только что успел корабль, именуемый «Родней», на коем я с прочими плыл, стать на якорь, как тамошний градоначальник уже письменно пригласил меня в оный город, чрез нарочно присланного на боте, где по прибытии определен я был к месту, и в прожитии моем тамо двух лет я был за музыкальное мое искусство особенно снабжаем.

Достигнув же достаточного состояния при помощи там живущих европейцев, несколько научился я мальбарскому народному языку, но к распознанию брамгенских наук определиться я не мог в Мадрасе, для того что основания оных, писанные духовным языком, никто из индийцев не был в состоянии истолковать мне на английском языке.

Из Мадраса в 1787 годе я переехал в Калькоту, где моя музыка гораздо более обратила любителей оных на себя внимание; и как она доставила мне там гораздо выгоднейшее состояние, то я начал рачительно входить в распознавание предлагаемых в книге сей предметов, и в течении пяти лет при помощи учителей моих успел перевести с англинского языка на бенгальской две драммы, из которых одну в 1796 году имел я честь под моим распоряжением представить два раза обою пола бенгальскими актерами и удовольствоваться оною европейских и азиатских жителей в собственном мною устроенном театре, чего прежде меня никто из европейцев в Калькоте не произвел.

Под руководством почетных брамгенов и (ученых) пондитов, выразумел я брамгенскую азбуку, словарь, грамматику, арифметику, календарь и прочие предлагаемые здесь в краткости предметы; и как я отдавал им справедливость в

их знаниях, то сею признательностию получил от них сведение о шомскритском языке, иначе называемом деб накъор или пранкрито, из которого произошли бенгальской язык и урия и тот общенародной диалект, называемый мориш или мурс, употребляемой не токмо во всей Индии², но и между рассеянными в свете цыганами, происшедшими от племян индийских, воззаимствовал понятие о древнейших брамгенских системах, священных их обрядах и народных обычаях, и наконец нашел:

Что природные индийцы, по-видимому, согласно с европейцами начинают свое просвещение наукою богопознания, с тем, однако ж, различием, что естественному предпочитают откровенное.

Они, как и самые правоверные, исповедуют единого истинного бога, именуемаго ими Брормго, творца неба и земли и всех видимых и невидимых тварей.

Признают также неслиянную и единосущную троицу, называемую на их языке Троику, и воплощение сына божия, именуемаго Криштньо, ибо они утверждают, что по случае последовавшего в небесных кругах некоего замешательства ниспослан был божий оный сын на землю и, возприяв на себя человеческую плоть, имел себе материю и млекопитательницею чистейшую, деву, именуемую Чьошо, то есть светодательницу, которую, вероятно, сея ради причины именуют они Дургою, как то показано будет в третьей части сея книги в третьей главе о праздниках.

Кроме сего допускают они некое духовное существо, облеченное формою мира сего, называемое Шоттьо чъуг, то есть чистый дух, или, по мнению древних философов, душу мира, коего почитают быть изменяемым по исходе лет, назначенных ему вседержителем.

Они имеют веру и закон, называемый Дгоррмо или Дека лок, или перешта, и пять разнo обрядных помазаний, также и храмы, в коих они оправдывают их богопознание.

Но откуда они почерпнули сей боговедения свет, откуда они сим таинствам научились?

Бытописатели христианской церкви повествуют, что сей боговедения свет индийцы получили от благовестия евангельского, принесенного к ним апостолом Фомою, которого гроб и донныне обретается в езуитском храме, находящемся в виду моря на берегах Мальбарских, в разстоянии от Мадраса около осьми верст, на высокой горе, донныне называемой Санкт-Томас, то есть святого Фомы, где каждой год в день его совершается народное великое празднество.

Но индийцы весьма упорно настоят, что они все свои познания преемственно получили от самого творца земной твари, чрез первобытного человека, с течением лет во все потомства его распространяемые, подобно как и китайцы

² Сего диалекта имел я щастие поднести е. и. в. грамматику с истолкованием на английском языке (здесь и далее приводятся примечания, имеющиеся в напечатанной книге Г. С. Лебедева).

свое происхождение относят гораздо к дальнейшим, нежели как мы понимаем, временам.

Такая к разпространению их познаний способствующие письмена суть:

1-е. Азбука Борно³, называемая Шомскрито или Пранкрито, иначе Деб накбор, то есть богоначертанная.

2-е. Словарь называемый Оккбор, который содержит в себе «мена и описание всех существ».

3-е. Арифметика, называемая Нам мата⁴, а сокращенно Памта.

4-е. Книга откровения, индийцами называемая Бед анто⁵, а народно Беданто.

³ Брно. Представляется у индийцев в пяти отделениях, в каждом семью столпами, сообразно имени всесоздателя Брормто, начертанного семью буквами. В начальном азбуки их столпе представляют букву О, которая означает имя неисповедимого Брормто и святую троицу, чего ради индийцы и выговаривают ее с великим благоговением, а никогда всеу.

Вторая буква А означает духовное существо, облеченное формою мира сего, душу вселенныя.

Третья буква І означает премудрость, именуемую Кали или Дурга.

Четвертая буква И, выговариваемая протяжно, означает весь мир.

Равным образом и многия другая в их азбуке буквы заключают в себе некие особенные таинственные смыслы, а особливо те, кои представляются в их писменах с одинаким и двойным ониками буквою О, а по произношению индийцев выговариваются оне онушкар.

Подобно азбуке, у индийцев расположены в четырех статьях семью отделениями планеты, которое расположение показуется в книге сей во второй части в первой главе.

⁴ Нам мата. Содержит в себе также пять отделений, которая, кроме того что служит основанием математических познаний, начинаясь сею І единицею, означает, подобно как и азбучная буква О, единого всемогущаго творца всей твари.

Двойной сей ІІ знак означает облеченное формою мира сего духовное существо и премудрость.

Трояко совокупленное сие И число означает владычествующую миром единосущную троицу, не слитную лицами, которая ради соприсносущия и равномощия индийцами почитается единицею.

После сего И трояко совокупнаго числа, счисление их начинается уже отделительно сею... особенною единицею, называемую Экъ кьонда, то есть содержащую в себе четыре разныя части, и от нея считают уже по порядку до сотеннаго числа, и потому ради первоначертанных трех отделительных знаков, их сто содержит не четыре равныя части, а сто три, цифра. Сие и доказывает, что индийцы имеют особенное счисление; и при сем надлежит знать, что из сих пяти отделений первое, третье и пятое начинаются у них тремя различными знаками, а после оных поставляются особенные цифирные единицы, за коими шот до каждого ста продолжается по порядку их цифр.

⁵ Книга Бед анто, разделяемая у них на четыре части, из коих первая называется Шомо бед, а сокращенно Шом бед, книга лунная или лунного времени, то есть бытоописание. В ней описываются дела божия от начала мира.

Вторая называется Чьочьур бед, то есть душепитательная или нравственная книга; в ней содержатся предметы, к вере и закону принадлежащие.

Третья – Рит бед, а народно называемая Рик бед; в ней описываются кругообращения планет и временные по оным изменения.

Четвертая – Оторбо бед, народно называемая Уттор или Оттор бед; в ней описывается размер и состояние уделов света.

На основании вышепоказанных четырех частей издано в последующие времена разными сочинителями о разных предметах 18 книг, называемых во множественном числе Пуранер или

Вот главнейшие Восточной Индии брамгенов начала, на коих они утверждаются.

Вот те, в течении 12-летнего моего в Калькоте пребывания собранные сведения, которыми я надеюсь удовлетворить истинных любителей просвещения и безпристрастных испытателей разнообразных предметов..

А как я и в начале и в продолжении моего путешествия главнейшею целию моих трудов поставлял усовершенствование природных моих склонностей, славу и пользу моего отечества, не отнимая в прочем справедливости у той нации, для обозрения которой руководствован я был вечно блаженныя памяти монархом, то и назвал я сию книгу Безпристрастным созерцанием систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев.

Книга сия содержит в себе три части: две первые заключают двух древнейших брамгенов системы, о четырех индийцами считаемых веках, различных в своих началах, из коих:

Первая часть содержит первоначальную систему лунную, изданную брамгеном Бгашшоти, и помещает в себе первый чистый век именуемый Шоттьо Чьуг, начинающийся от сотворения мира сего и продолжающийся до изведения в сей мир солнца. Сего Чьуга, то есть в форме света сего воплощенного духа естество, по чистоте нравов и первобытного жития людей, индийцами изображается светло-зеленым или белым цветом называемым Шода пушпо или Шафет ранкг.

Вторая часть содержит в себе первоначальную систему солнечную, изданную брамгеном Шурдчьо дои, начинающуюся от вступления в сей мир солнца и продолжающую в себе три последующие века, из коих: по солнечной системе первый, а по лунной уже второй век Дуапор Чьуг. Сего Чьуга естество, ради произведенного в небеси сотворенными существами мятежа, изображается у них черным цветом Кала пушпо, или Кала ранкг.

Второй по солнечной, а по лунной третий век, именуемый Трета Чьуг. Сего Чьуга естество, ради у совершения мира сего солнцем они изображают золотым цветом, называемым Ор Пушпо или Онр Ранкг.

Третий по солнечной, а по лунной четвертый век, именуемый Чот-тортой Чьуг или Кали Чьуг, ныне существующий. Сего Чьуга естество, ради превратных нравов и развратного жития людей, изображают желтым цветом, Чьород Пушло или Чьород Раякг.

Веками же индийцы разумеют не столетия только, обыкновенные европейцам, но продолжение времени, составляющие в каждом из них три тысячи четырехста восемь лет. И сии-то суть те четыре века, которыми индийцы ограничивают существование временного сего мира, по истечении коих согласно с христианами ожидают разрушения.

Шаштрорер, а в единственном Пуран или Шаштро, которых и сочинители, соответственно их содержаниям, и донныне так именуется, например: Бгашшоти, писатель Лунной системы; Шурдчьодой, писатель Солнечной системы; Шонкеа, писатель математики; Дганик, писатель химии; Мога бгарот или Шри бгарот чондро рай, то есть писатель о первобытном свете, и сему подобными именами.

Третья часть помещает в себе священные брамгенов обряды и индийских народов обычаи.

Сообщая таким образом любезному отечеству моему сии посильные мои приобретения, за нужное почитаю уведомить читателей, что все индийские в сей книге речения писал я, не европейскому, а индийскому последую произношению, за небрежением которого во многих европейских изданиях самых священных древностей настоящий смысл коренных языка сего речении так утерян, что собственного их знаменования с великою трудностию доискиваться должно.

Вероятно, что исправнейшие испытатели систем и обычаев индийских жителей найдут и за мною недостатки, как и я нахожу за моими предшественниками, почему и уповаю быть также извиненным, и что оные не причтутся в вину такому, как выше сказано, буреборственному путешественнику в пользу отечества.

А для избежания впредь многоразличных трудностей и могущих последовать ошибок, за долг почитаю предложить покушающимся на подобные предприятия, чтобы они к оным приступали, усовершенствовав сперва познанием своих собственных наук, и для соображения с тамошними, по крайней мере главнейшие основания оных при себе имели, как-то: славенороссийскую азбуку, имеющую великое сходство и сближение в числе букв с индийскою, словарь, грамматику, географию, естественную историю, философию, библию, даже и мифологию, чтобы снабжены были особыми для сего инструкциями и государственными привелегиями; а приехав туда, сообразовались бы тамошних народов обычаям и учтивости; для изъятия же точных смыслов из сокровенных букв, сокращенных слов, из древних индийских преданий, чтоб научены были шамскритскому языку, иначе называемому Деб накъор или Пранкрито.

Сему споспешествуя, издал я в Лондоне 1801 года собственным моим рачением и иждивением собранную индийских смешанных диалектов народную грамматику, каковой еще Европа никогда не имела; в чем оправдать меня могут все знающие оных диалектов свойство безпристрастные испытатели, в надежде услужить купеческой Индийской компании. К изданию таковой книги в Лондоне, хотя и ободряем я был весьма лестным для меня обещанием, но событием оного имел я щастие воспользоваться в любезном моем отечестве, от щедрот собственного своего монарха, когда то же самое издание самолично мною е. и. в. было поднесено, и удостоено было всевысочайшаго его приятия и всемилолюбивейшаго благоволения.

А посему, еслили угодно будет провидению жизнь мою продолжить и отдалить подобные тем затруднения, какие при сем издании встречались со мною от художников, за верноподданический почитаю долг выдать не токмо вышеозначенную смешанных индийских диалектов, но и бенгальского языка грамматику, словарь и арифметику, и выше помянутые драммы на собственном нашем российском и индийском языках.